

Н. А. ВОРМС — ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Об авторе публикуемых писем, участнике революционно-демократического движения шестидесятников, поэте Николае Александровиче *Вормсе* (1845—1870), мы не располагаем никакими биографическими сведениями, за исключением тех — скудных и не всегда достоверных, — которые находим в воспоминаниях Л. Е. Оболенского («Литературные воспоминания и характеристики». — «Исторический вестник», 1902, № 1, стр. 106—120). Л. Е. Оболенский — известный в свое время журналист либерально-народнического направления, друг молодости Вормса и его товарищ по гимназии.

В 1854 г. Вормс поступил в гимназию в Орле. В Орел он был привезен матерью из Севска, где отец его служил исправником. По свидетельству Оболенского, Вормс и в это время и позднее отличался «брезгливой сдержанностью и холодностью» по отношению ко всем, кроме немногих избранных, к которым принадлежал сам автор воспоминаний. «Среди толпы, — пишет Оболенский, — он жил совершенно уединенной жизнью, вечно погруженный в свои думы и в свои тетради» (стр. 111).

Мрачное настроение Вормса и его замкнутость особенно возросли под влиянием двух событий, которые произвели на него сильное впечатление. Когда ему было семнадцать лет, у него умерла мать; он «едва не сошел с ума». Вторым событием, тяжело отразившимся на душевном состоянии Вормса, было преследование со стороны классного надзирателя, невзлюбившего его. Вормс писал стихи, стараясь скрывать это от начальства. Заметив, что Вормс все время что-то пишет и тщательно запирает написанное, надзиратель решил произвести у него обыск. Вормс, в столе которого, кроме стихов, хранились интимные сувениры, напоминавшие ему о матери, отказался отдать надзирателю ключ от стола. Тогда надзиратель позвал двух сторожей и приказал им силою отнять у Вормса ключ, висевший у него на шее под одеждой. Что происходило далее, Оболенскому осталось неизвестным: то ли Вормса подвергли телесному наказанию, то ли наказание лишь угрожало ему. Во всяком случае, Вормс чрезвычайно болезненно пережил этот случай.

Гимназические порядки изменились с назначением нового, молодого директора, повидимому, испытавшего на себе воздействие передовых педагогических идей. Гимназисты начали издавать рукописный журнал, где помещали статьи, рассказы, стихотворения — и Вормс, наряду с Оболенским, был одним из наиболее усердных сотрудников.

Вскоре по каким-то причинам он перешел в черниговскую гимназию. Там он продолжал выпускать журнал и присылал номера Оболенскому. «Это был уже настоящий журнал с критикой, с общественной хроникой и даже с иностранной политикой. Вормс писал горячие статьи о Кавуре и Гарибальди, он зачитывался „Современником“ и тогдашними газетами» (стр. 120).

Вот то немногое, что рассказано о Вормсе в воспоминаниях Оболенского. Последующая жизнь Вормса нам очень мало известна.

В середине шестидесятых годов Вормс жил в Москве. В это время он относился резко отрицательно к существовавшим политическим порядкам. Уже в 1864 г. III Отделение заинтересовалось Вормсом, получив сведения о том, что он собирает в Москве средства для помощи ссыльным полякам (ЦГИА. Дело III Отделения, 1 эксп., 1863 г., № 23, ч. 611). Как выясняется из статьи Вормса, напечатанной

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СТАТЬИ
Н. А. ВОРМСА «БЕЛЫЙ ТЕРРОР
ИЛИ ВЫСТРЕЛ 4 АПРЕЛЯ
1865 ГОДА»

Первоначально напечатана в «Коло-
коле» 1867 г., лл. 231—236

Титульный лист

БЕЛЫЙ ТЕРРОРЪ

ИЛИ

ВЫСТРЕЛЪ 4 АПРѢЛЯ 1865 ГОДА.

РАЗСКАЗЪ

ОДНАГО ИЗЪ СОСЛАННЫХЪ ПОДЪ НАДЗОРЪ
ПОЛИЦИИ.

(Das Attentat vom 4. April 1865.)

ЛЕЙПЦИГЪ: | LEIPZIG:
Э. Л. КАСПРОВИЧЪ. | E. L. KASPROWICZ.
1875.

в «Колоколе» под названием «Белый террор», он был связан с ишутинским кружком и, повидимому, лишь случайно уцелел во время массовых арестов, произведенных в Москве после покушения Каракозова на Александра II. В октябре 1866 г., когда процесс каракозовцев закончился, Вормс уехал за границу.

Литературная деятельность Вормса началась еще в России. Первым произведением его, появившимся в печати, было, насколько известно, письмо «Из Севска», напечатанное в № 33 «Современной летописи» Каткова за 1862 г. Позже Вормс сотрудничал в «Современнике», «Русском слове», «Деле», «Искре», «Модном магазине» и других журналах. Литературная деятельность Вормса не прервалась и после отъезда за границу. Он и оттуда присылал свои стихотворения в русские журналы.

Поселившись в Швейцарии, Вормс сблизился с русской эмиграцией. В «Колоколе», как мы уже упоминали, была напечатана его большая статья под названием «Белый террор», представляющая собою весьма ценный источник для изучения каракозовского дела. Не погрешив против требований конспирации, автор статьи сумел подробно охарактеризовать кружок Ишутина и революционную работу, проведенную кружком, а также в какой-то степени и отношение общества к делу ишутинцев. В заключение Вормс сообщал некоторые подробности о деле каракозовцев, разбиравшемся в Верховном уголовном суде. Эта часть статьи была основана на рассказах подсудимых, с которыми Вормсу удалось повидаться после процесса.

В 1868 г. Вормс серьезно заболел; болезнь заставила его на время оставить Швейцарию и переехать в Ниццу (XX, 164, 259). Однако это не помогло: болезнь Вормса прогрессировала, и в феврале 1870 г. он умер. 6 марта 1870 г. в № 64 «Санкт-Петербургских ведомостей» появилась краткая заметка:

«Мы получили известие, что в Швейцарии скончался молодой русский стихотворец Николай Вормс...» Далее перечислялись журналы, в которых Вормс помещал свои стихотворения. Это был, насколько известно, единственный в русской прессе отклик на смерть молодого поэта.

Л. Е. Оболенский (цит. соч., стр. 106) сообщает, будто Вормс умер двадцати одного года от роду. Это неверно: Вормс умер в возрасте двадцати пяти лет. В другом месте сам Оболенский указал, что Вормс родился в 1845 г. См. также: С. Венгерова. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. VI, стр. 171.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 74 и 140).

1

ОГАРЕВУ

Veytaux-Chillon
1866 г. $\frac{20}{8}$ декабря

Милостивый государь
Николай Платонович!

Потрудитесь, пожалуйста, известить меня, к какому числу я должен доставить окончание статьи «Белый террор»?¹ Я до сих пор не писал его по той причине, что у меня болели пальцы, отмороженные еще в детстве. Не можете ли вы возвратить мне рукопись первой половины, что мне было обещано Александром Ивановичем? Повторяя еще раз просьбу скрыть мое имя не только от публики, но и от лиц, заслуживающих доверие редакции «Колокола»², прошу вас принять уверение в совершенном моем к вам уважении.

Н. Вормс

¹ Статья Вормса «Белый террор» была напечатана в «Колоколе», лл. 231-232 от 1 января 1867 г., 233-234 от 1 февраля и 235-236 от 1 марта того же года.

² «Белый террор» напечатан за подписью «Один из сосланных под надзор полиции». Вормс в ссылке никогда не находился, и подпись эта была придумана с конспиративной целью.

2

ОГАРЕВУ

Veytaux-Chillon
1867 г. 12 января

Ваши замечания, многоуважаемый Николай Платонович, я нахожу совершенно справедливыми. Действительно, фразы, помеченные вами, не только не идут к делу, но могут сильно вредить. Но о фразах и каких-нибудь ничтожных эпизодах я и не толкую, что было бы слишком мелко-самолюбиво с моей стороны. Я только боюсь, чтобы вы не опустили факта, повидимому мелкого, но, в сущности, довольно крупного, пройти молчанием который невозможно, например «о добровольно политических». Фамилий их я не называю — не к чему, но вам сообщу две, принадлежащие самым ярким и выдающимся личностям: Воронкова и m-me Шарль. Из них первая обвиняла себя в подговаривании на убийство Муравьева, другая выдала чемадан, зарытый возле ее дачи, с книгами Худякова и Малинина (к счастью, бумаги и переписку сожгли)¹. Это безобразно-карикатурные личности, выдающие себя за нигилисток, эмансипированных женщин и пр., пр., были посмешищем и того кружка, к которому они прикомандировали себя. И много наберется подобных «незаметных» фактов. Стихи за *доказательство* быть приняты не могут даже русским правительством: мало ли пишется стихов, и если пишу их и я, то это не может доказывать, что стихотворение «К К.» написано именно мною.

Но за новую улику или, верней, за указание они могут быть приняты. И потому, если вы находите, что они ничего не прибавляют и не убавляют и не придают ничего статье, то исключите их ². Рассказ о «наделистах» — совсем иное дело. Он не вымыслен как факт, и даже не вполне передает содержание действительно ходившего в народе слуха, и крайне важен как выражение народного понимания. Может быть, он и пущен в ход лицом не из простонародья, но я этого положительно не знаю; важно и то, что рассказ этот прошел в массу именно в день 3 сентября, а не раньше ³. О поступке Ник(олаева) ⁴ я иначе не мог высказаться; совершенно тождественно со мною высказывались и лица, подлежавшие Верховному

ДОМ НА УГЛУ ТРУБНОЙ ПЛОЩАДИ И ЦВЕТНОГО БУЛЬВАРА В МОСКВЕ (теперь № 2).
ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИЛИ ВСТРЕЧИ ЧЛЕНОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ГРУППЫ Н. А. ИШУ-
ТИНА и Д. В. КАРАКОЗОВА

Фотография 1926 г.

Музей революции, Москва

уголовному суду, с которыми я виделся перед отъездом из России*. Петерсон возмутительно гадок ⁵; в отношении к подобным лицам не следует церемониться, в особенности, если они могут вредить, а ведь Петерсон на свободе. Дело бы вообще не раскрылось и настолько, насколько оно раскрыто, если бы не Ермолов, Мотков и Дм. Иванов ⁶. Мотков хуже Ермолова и Иванова, что уже вам известно. Но надо заметить, что до Вс. Костомарова никто не доходил ⁷. Говорить так, как я говорил об этих людях, меня заставила необходимость, неизбежная и неотразимая. Для меня это было очень ясно: всех их я знал, с некоторыми был довольно близок. Я также и о заговоре должен был сказать и *доказать*, что его не существовало: причина слишком очевидная. Заключительные строки необходимы для замаскировки ⁸. Я был совершенно искренен, говоря о крайней литературной слабости моей статьи. Дело в том, что переписка для меня убийственная вещь, и я не мог писать «Белый террор» начерно и поработать над ним. Но, зная мою слабую

* Они-то и сообщили мне всю вторую половину «Белого террора», которая еще не напечатана и у вас находится. — *Примеч. Н. А. Вормса.*

грудь, которая, вдобавок, болела в те дни, когда я писал «Белый террор», и которая удивительно скоро утомляется до дурноты, вы извините мне недостатки этой статьи и исправите, где нужно, слог, может быть непроизвольно хромающий... Я нахожу, что редакции «Колокола» необходимо в конце статьи, где говорится о 3-й категории⁹, сделать серьезный запрос и правительству, и тем людям, которые могут сообщить об участии этой категории, что сделали с ней? Очевидно, что теперь уже «comedia finita» * во всяком случае и что большинство освобождено, но что же сделано с меньшинством? Я не упомянул фамилии, например, Шарова¹⁰, чрезвычайно хорошей личности, которого комиссия решила «упечь» (это сказал Поздняк¹¹ Плещееву, которого после допроса по делу о музыкально-литературных утратах в Артистическом клубе¹² он пригласил к себе обедать), Киндякова¹³, Колачевского¹⁴, Шредера¹⁵ и очень многих других, чисто из боязни скомпromетировать их (есть причины). Я о многом *должен* был умолчать. В самом выборе фактов я был очень осторожен, сообщая только полученные из очень верных и непосредственных источников. Я желал бы видеть корректуры: Александр Иванович присылал мне. Впрочем, особенной нужды в этом не вижу и убедительно прошу не стесняться. Послезавтра перебираюсь в Ве́ве. К Мечникову¹⁶ я не заходил, так как не знаком с ним и не знаю, захочет ли он моего знакомства. Слухи о том, кто автор «Белого террора», вряд ли могут далеко пойти: меня никто не знает, а говорит один только Венъери¹⁷. До свиданья, будьте здоровы и верьте искренней преданности.

Н. Вормс

P. S. Теперь мой адрес следующий: Vevey, rue du Lac, № 35, pension Borel-Giroud.

¹ О таких «добровольно политических» Вормс в своей статье писал: «В мирное время они сгорали не менее пламенной жаждой попасть в так называемые нигилисты, для чего и совершали разные изумительные деяния, достойные кисти гг. Ключникова и Стебницкого». После же покушения Каракозова «сами обвиняли себя в ужасных замыслах и в небывалых преступлениях» («Колокол», л. 235-236, стр. 1930).

Юлия Александровна *Воронкова* привлекалась к дознанию по каракозовскому делу за участие в Обществе взаимного вспомоществования, не разрешенном властями, и была выслана из Москвы. — София *Шарль-Функ*, вдова чиновника, привлекалась к дознанию по тому же делу и была отдана под негласный надзор полиции.

Иван Александрович *Худяков* (1842—1876) — видный революционер середины шестидесятых годов, автор работ по фольклору и по истории, имевших пропагандистский характер. Он возглавлял в Петербурге студенческий кружок, находившийся в сношениях с московским кружком Ипутьина. Худяков привлекался по каракозовскому делу и был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь; ссылку отбывал в Верхоанске.

Орест Владимирович *Малинин* — член ипутьинского кружка, привлекался по каракозовскому делу, был приговорен к ссылке в Сибирь. Отбывал ссылку в Енисейской губ. В 1870 г. получил разрешение возвратиться в Европейскую Россию, а в 1872 г. был освобожден от полицейского надзора.

² Стихотворение, о котором идет речь, в «Колоколе» напечатано не было.

³ «Наделисты» — искаженное и переосмысленное слово «нигилисты». Вормс приводил в своей статье рассказ одного своего приятеля, присутствовавшего при казни Каракозова на Смоленской площади в Петербурге. По словам этого приятеля, один из рабочих, тоже присутствовавших при казни, говорил ему: «Есть, братец ты мой (...) сехта такая, и называется она наделистами, значит всех наделить землей хочет» («Колокол», л. 233-234, стр. 1909).

⁴ Про Н. Ф. *Николаева*, судившегося по делу каракозовцев и осужденного Верховным уголовным судом на 12 лет каторжных работ, Вормс рассказывал, что он смело излагал на суде свои революционные убеждения. «Штупать так, как поступал Николаев, — писал по этому поводу Вормс, — значит собственными руками выдавать себя врагам и завязывать петлю на своей шее (...) Гораздо доблестнее уйти от врагов, вырваться здоровым и невредимым из их лап...» («Колокол», л. 233-234, стр. 1911).

* «комедия окончена» (итал.).

⁵ Подсудимый Николай Павлович *Петерсон* (1844—1919) действительно давал откровенные показания и был приговорен к шестимесячному заключению в крепости; срок заключения был сокращен, и 2 декабря 1866 г. Петерсона освободили. Впоследствии он стал судебным деятелем.

⁶ Откровенные показания давали многие из каракозовцев, в том числе подсудимые, перечисленные Вормсом.

Петр Дмитриевич *Ермолов* (1845—?) как член террористической группы «Ад» был приговорен к каторжным работам на десять лет; по отбытии каторги был переведен на поселение в Якутскую область; в 1884 г. ему разрешили возвратиться в Европейскую Россию. Осип Антонович *Мотков* (1846—1867) был приговорен к работам в крепостях на четыре года. Дмитрий Львович *Иванов* (1846—?) был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь; ссылка была заменена отдачей в солдаты; впоследствии Иванов сделался видным геологом.

ГЕРЦЕН

Офорт М. В. Рундальцева, 1905 г.

Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

⁷ Всеволод Дмитриевич *Костомаров* — предатель, сыгравший гнусную роль в судебных процессах М. Л. Михайлова и Н. Г. Чернышевского: он выступил в качестве лжесвидетеля и изготовил подложные документы, на основании которых Чернышевский был приговорен к каторжным работам.

⁸ В заключение своей статьи Вормс, желая помешать правительству установить, кто был подлинным автором статьи «Белый террор», утверждал, будто ему предстоит ссылка в «гиперборейские страны» («Колокол», л. 235-236, стр. 1931). См. примеч. 2 к письму № 1.

⁹ Лица, привлеченные к дознанию по делу Каракозова, были по степени виновности разделены на три категории. В третью категорию включили арестованных, не подпавших под Верховный уголовный суд «по неважности обвинения»; дела их были разрешены в административном порядке.

¹⁰ Иван *Шаров* — бывший студент Московского университета, привлекавшийся к дознанию по делу каракозовцев, но от ответственности освобожденный.

¹¹ *Поздняк* или *Позняк* — член московской следственной комиссии по делу каракозовцев. Вормс так характеризовал Поздняка: «...самый злостный и более всех остальных образованный сыщик-следователь. Он прошел огонь и воду; был *либералом* — рекомендация вполне достоящая» («Колокол», л. 231-232, стр. 1892).

¹² В феврале 1866 г. в зале Артистического клуба состоялось литературно-музыкальное утро, устроенное в пользу бедных студентов Петровской земледельческой академии; в числе других выступали поэт А. Н. Плещеев (один из распорядителей клуба), драматург А. Н. Островский и артист Пров Садовский. Во время следствия по делу каракозовцев члены ишутинской «Организации», студенты Петровской академии Ф. В. Борисов и А. Е. Сергиевский, показали, будто сбор с литературно-

музыкального утра поступил в кассу «Организации». Показания Борисова и Сергиевского вызвали особое расследование, но следственной комиссии не удалось найти подтверждения этим показаниям.

¹³ Петр *Киндяков* — студент Московского университета; привлекался к дознанию по делу каракозовцев за участие в Обществе взаимного вспомоществования, организованном ипутиными; был от взыскания освобожден.

¹⁴ Андрей Николаевич *Колачевский* привлекался к дознанию по тому же поводу, что и Киндяков, и был отдан под негласный надзор полиции. В 1869 г. Колачевский был арестован по нечаевскому делу и предан суду, но по недостатку улик оправдан. В 1888 г. он издавал в Москве либерально-народнический журнал «Эпоха»; в том же году он умер.

¹⁵ О *Шредере* никаких сведений найти не удалось.

¹⁶ Вормс имеет в виду Л. И. *Мсчинова*; о нем см. ниже в настоящем томе.

¹⁷ *Венъери* — ниццкий знакомый Герцена, упоминания о котором см. XX, 129, 130, 197, 264 и 268.

3

ГЕРЦЕНУ

Place Grimaldi, 5, au troisième
(до 22 апреля 1868 г.)

Я прошу вас, г. Герцен, избрать относительно меня более прямой путь, т. е. вместо тайных доносов посредством разглашения о нашем знакомстве всякому встречному болтуну самого двусмысленного свойства, донести на меня непосредственно начальнику Третьего Отделения: тогда я, по крайней мере, буду знать, *как* мне действовать ¹.

Н. В о р м с

¹ Герцен получил письмо Вормса 22 апреля 1868 г. и на него не ответил (XX, 259—260). Однако Герцена живо интересовало, как относятся к этому письму русские эмигранты в Женеве. 27 апреля он спрашивал Огарева: «Ну, как вы рассудили дело Вормса?» (там же). 1 мая 1868 г. Герцен извещал Огарева о своей случайной встрече с Вормсом в Ницце. Герцен прямо спросил Вормса: «Зачем вы пишете мне глупые и наглые письма?» Смущенный Вормс сослался в ответ на информацию, полученную им от какого-то русского, неизвестного Герцену (там же, 266).

Недопустимо грубый тон письма, вероятно, объяснялся болезненным состоянием Вормса. Герцен, возмущенный этим письмом, высказывал предположение, что Вормса натравливает на него какой-нибудь провокатор (там же, 260).

Кого имел в виду Вормс, говоря о «болтуне самого двусмысленного свойства», выяснить не удалось.